*А. А. Горский*

# К ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Все прошедшие со времени публикации «Слова о полку Игореве» два столетия вокруг него не стихали споры по самым разным аспектам. В данной статье речь пойдет о современном состоянии изучения тех из них, которые составляют предмет исторического источниковедения. Это проблемы подлинности памятника, времени его создания и атрибуции.

## Вопрос о подлинности

Вопрос о подлинности «Слова о полку Игореве» не без оснований иногда называют самым спорным вопросом всей истории древнерусской литературы[1]. Сомнения в древности «Слова» были порождены необычайно высоким художественным уровнем произведения (у людей Нового времени возникало подозрение — мог ли человек «темного» Средневековья создать такой шедевр?), а гибель его единственной рукописи в Московском пожаре 1812 г. сделала невозможным установление подлинности поэмы палеографическими методами. Первый всплеск «скептицизма»[2] в отношении «Слова о полку Игореве» имел место в 10—40-е годы XIX в. (в рамках так называемой «скептической школы» в русской историографии), второй начался в 30-е годы XX в. с появлением работ французского филолога А. Мазона, утверждающего, что «Слово» написано в конце XVIII столетия[3], и получил новый импульс с появлением аналогичной по сути, но более четко выстроенной с источниковедческой точки зрения концепции советского историка А. А. Зимина в 60-е годы[4]. Во второй поло-

вине 60–70-х годов вышло в свет немало работ, подвергавших критике точку зрения А. А. Зимина в целом или те или иные компоненты[5]. После ухода А. А. Зимина из жизни (1980 г.) дискуссия продолжения не получила. В 80–90-е годы не появлялось ни работ, отрицающих подлинность «Слова», ни исследований, ставивших своей целью опровержение «скептической» позиции. Тем не менее именно в этот период были получены результаты, позволяющие, на мой взгляд, считать его этапным в разрешении проблемы аутентичности поэмы. Эти результаты были достигнуты на четырех направлениях исследований.

*1. Изучение подготовки «Слова о полку Игореве» к изданию*

Еще в 1976 г. О. В. Творогов, обратившись к разночтениям издания «Слова о полку Игореве» 1800 г. и подготовленной ранее так называемой Екатерининской копии рукописи «Слова», выяснил, что во многих случаях издание фиксирует написания, альтернативные тем, что содержатся в копии (и не обязательно более верные)[6]. Исследование в этом направлении было продолжено Л. В. Миловым, который пришел к выводу: «Большинство разночтений печатного текста "Слова о полку Игореве" и Екатерининской копии свидетельствуют об их альтернативном характере, отражающем длительные раздумья издателей над вариантами прочтения. В этом плане и Екатерининская копия и печатный текст первого издания представляют собой единый комплекс. При подготовке издания археографы несомненно учитывали копию (...) и, в конечном счете, стремились зафиксировать все потенциально возможные вариации чтений»; издатели старались «максимально точно зафиксировать равную вероятность (с их точки зрения) возможных чтений графически и орфографически трудных мест памятника»[7]. Изучение обстоятельств подготовки «Слова» к изданию было предпринято в 80-е годы В. П. Козловым[8]. В частности, им было обнаружено наиболее раннее свидетельство знакомства с рукописью поэмы — цитата из нее в «Опыте повествования о России» И. П. Елагина (датируется концом 80-х годов XVIII в.), где отразился более ранний этап работы кружка А. И. Мусина-Пушкина над рукописью, чем те, которые фиксирует Екатерининская копия и издание

1800 г., — этап, на котором сохранился ряд сложностей прочтения текста, в дальнейшем проясненных.

Перечисленные исследования показали, что А. И. Мусин-Пушкин, и те, кто с ним сотрудничал на разных этапах работы со «Словом» (И. П. Елагин, И. Н. Болтин, Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский), воспринимали это произведение как древнее и испытывали серьезные трудности с прочтением и пониманием текста, преодолеваемые путем длительных трудов и так до конца и не преодоленные. Это противоречит взглядам скептиков, согласно которым они, А. И. Мусин-Пушкин во всяком случае, знали о поддельности памятника.

### *2. Изучение поэтики*

В 1984 г. вышла в свет монография Б. М. Гаспарова «Поэтика “Слова о полку Игореве”». Автор исследовал «Слово» с помощью семиотического подхода, подойдя к нему как к «знаковой структуре высокой сложности». Проведя с таких методических позиций всесторонний анализ текста, он обратился к вопросу об эпохе его создания и пришел к вводу, что сложный и изощренный характер поэтики, «тотальная» символизация в сочетании со спонтанным использованием мифологических моделей и следами устного произнесения делают невозможным тезис о создании «Слова» в конце XVIII в. — для этого времени данные признаки не характерны [9].

### *3. Изучение соотношения «Слова о полку Игореве» с «Задонщиной»*

А. Мазон, а затем А. А. Зимин пытались доказать, что не «Задонщина» подражала «Слову» (как полагало большинство исследователей со времени открытия «Задонщины» в середине XIX в.), а «Слово» — «Задонщине». Слабо обоснованная текстологически схема А. Мазона была раскритикована убедительно [10]. Иное произошло с более фундированной концепцией А. А. Зимина. В 1966 г. были практически одновременно опубликованы работы о «Задонщине» А. А. Зимина [11] и его оппонентов — Р. П. Дмитриевой и О. В. Творогова [12]. В статье журнала «Русская литература»

(№ 1, 1967) А. А. Зимин кратко изложил свои представления о соотношении «Слова» и «Задонщины» (подвергнув критике работы оппонентов)[13]. В помещенной в том же номере журнала статье Р. П. Дмитриевой, Л. А. Дмитриева и О. В. Творогова критиковались положения статьи А. А. Зимина[14]. На этом дискуссия оборвалась[15]. Произошло это отнюдь не в результате какого-то давления сверху — споры по другим аспектам проблемы подлинности «Слова» продолжались. Дело в трудностях, с которыми столкнулось изучение соотношения «Слова» и «Задонщины» с помощью традиционных текстологических методов. Между дошедшими до нас немногочисленными списками «Задонщины» существуют весьма значительные текстуальные различия. Из-за этого сложно построить доказательную схему взаимоотношения списков. Надо предполагать или определенное количество недошедших «промежуточных» рукописей, или устное происхождение памятника (либо отдельных его списков). Это, естественно, затрудняло и сравнение «Задонщины» со «Словом о полку Игореве», дошедшем в единственном списке. Дискуссия прервалась, поскольку аргументы в рамках традиционной текстологии были исчерпаны[16] и вполне резонно такие авторы, как А. Данти, С. Н. Азбелев, Б. М. Гаспаров, Р. Манн вообще сочли непродуктивным текстологическое сопоставление памятников: не сомневаясь (по другим основаниям) в большей древности «Слова», они пришли к мнению, что связь его с «Задонщиной» не носит строго текстуального характера и являет собой факт устной, фольклорной традиции[17]. Это был, безусловно, логичный ответ на «текстологическую ничью» в полемике о соотношении этих памятников, ответ, который мог, казалось бы, объяснить, почему ни у одной из ведших текстологический спор сторон не нашлось достаточно веских аргументов.

Однако выяснилось, что возможности текстологического сопоставления «Слова» и «Задонщины» далеко не исчерпаны. Анализ распределения (по объему и содержанию) параллельных «Слову» фрагментов в тексте «Задонщины» выявил определенные статистические закономерности. Они находили объяснение только при признании первичности «Слова» — колебания объема заимствованных фрагментов могли быть вызваны стремлением автора «Задонщины» приспособить текстовой материал

«Слова» для целей создаваемого им произведения (в первую очередь необходимостью выйти из затруднения, которое было вызвано недостаточным объемом текстов «Слова», посвященных собственно сражению). В качестве эксперимента было проведено статистическое сопоставление параллельных текстов, исходящее из допущения первичности «Задонщины»; в результате его закономерности в распределении фрагментов по объему не обнаружилось. С точки зрения математической статистики, такой результат изучения соотношения параллельных фрагментов двух памятников может быть интерпретирован только как свидетельство влияния «Слова» на «Задонщину», а не наоборот[18].

### *4. Изучение языкового строя «Слова о полку Игореве»*

В 1994 г. была опубликована книга коллектива авторов под руководством Л. В. Милова, посвященная атрибуции памятников литературы (средневековья и XVIII в.) при помощи анализа частоты парной встречаемости грамматических классов слов. В одной из ее глав была поставлена задача проверить гипотезу Б. А. Рыбакова, согласно которой автором «Слова о полку Игореве» был летописец XII в., предположительно отождествляемый с киевским боярином Петром Бориславичем, а заодно и высказанное в литературе предположение об авторстве Кирилла Туровского.

Сопоставление стиля «Петра Бориславича» и автора «Слова» не привело к однозначным результатам: гипотеза о создании поэмы этим летописцем не была опровергнута, но не появилось и достаточных оснований, чтобы ее принять; что касается Кирилла Туровского, то сходство стиля его произведений со «Словом» оказалось слабее, чем у летописца, и предположение о Кирилле как авторе «Слова» не нашло подтверждения. Однако в ходе исследования выяснилось, что «Слово о полку Игореве», статьи «Ипатьевской летописи» за 1147 и 1194—1195 гг. (привлекавшиеся для сопоставления) и произведения Кирилла Туровского имеют определенную общность в структуре языка повествования. А это «показывает», что «Слово о полку Игореве» органично и глубоко вплетено в языковую ткань XII столетия. Причем эта глубинная связь реализуется на подсознательном уровне структуры

в силу специфики языковой культурной среды эпохи XII века [19]. Спустя века это не выявляемое без применения современных математических методов сходство подделать, естественно, было невозможно.

* * *

Ни одна из названных работ не начиналась с целью проверить (или доказать) подлинность «Слова о полку Игореве», но по ходу исследования авторы получали результаты, показывающие невозможность позднего происхождения памятника. Различной была и методика: в первом случае — археографические и палеографические методы, во втором — семиотический подход, в третьем — контентанализ, в четвертом — математический анализ языковой структуры. Некоторая изначальная «отстраненность» от дискуссии об аутентичности поэмы, более углубленное исследование известных материалов и обнаружение новых (в первом случае), использование не применявшихся ранее при изучении «Слова о полку Игореве» методов (в трех остальных случаях) способствовали получению положительного ответа на вопрос о подлинности «Слова» на новом исследовательском уровне [20].

## Датировка создания

Попытки исследователей определить terminus post quem и terminus ante quem создания «Слова» не привели к однозначным результатам. В качестве последнего назывались даты смерти Владимира Глебовича Переяславского (1187 г.), Ярослава Осмомысла, к которому обращается с призывом автор «Слова» (1187 г.) Святослава Всеволодича Киевского (1194 г.), Всеволода, брата Игоря, которому в конце поэмы провозглашается «слава» (1196 г.), самого Игоря, названного в поэме «нынешним» (1202 г.). Но на все эти предположения находился (или мог бы быть приведен) контраргумент: упоминание данных князей как живых связано с художественным «вживанием» автора в события 1185 г. В результате в вопросе о верхней хронологической грани создания «Слова» единый подход не сложился [21]. Несколько иначе обстояло дело с нижней гранью. В конце «Слова» провозглашается «слава» Игорю, его брату Всеволоду и сыну Владими-

ру, а несколько выше, в диалоге едущих по следу Игоря половецких предводителей Кончака и Гзака содержится намек на возвращение Владимира Игоревича из плена с женой — Кончаковной на Русь.

> Млъвитъ Гзакъ Кончакови: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича ростреляевѣ своими злачеными стрѣлами. Рече Кончакъ ко Гзѣ: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею. И рече Гзак къ Кончакови: аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ ваю птици бити въ полѣ Половецкомъ [22].

Долгое время возвращение Владимира Игоревича, ранее которого явно не мог быть создан этот диалог, датировалось 1187 годом, так как о нем говорится в статье «Ипатьевской летописи» 6695 г. [23], однако в 1963 г. в специальном труде Н. Г. Бережкова по хронологии древнерусского летописания было показано, что статья 6695 г. «Ипатьевской летописи» повествует о событиях двух годов — 6695 и 6696 мартовских [24]. О приезде на Русь Владимира с Кончаковной говорится в той части статьи, что рассказывает о событиях 6696, т. е. 1188 г.

Первым воспользовался поправкой Н. Г. Бережкова Б. А. Рыбаков: в своей книге 1971 г. «Слово о полку Игореве и его современники» он дал верную дату возвращения Владимира — 1188 г. [25] Но непосредственной ссылки на Н. Г. Бережкова при этом сделано не было, Б. А. Рыбаков оговорил в начале книги суммарно, что пользуется его хронологическими уточнениями [26]. В 1973 г. привела дату 1188 г. со ссылкой на Н. Г. Бережкова (без разъяснения, какую поправку внес последний в хронологию «Ипатьевской летописи») Н. С. Демкова [27]. Тем не менее в работах по «Слову» продолжала приводиться дата 1187 г. [28]. Наконец, в 1984—1985 гг. Д. Вёрн, Л. А. Дмитриев и автор этих строк специально указали, в чем именно состоит уточнение Н. Г. Бережкова [29]. Но и после этого 1187 г. как дата возвращения Владимира не исчез из работ «О слове» [30]! Остается надеяться, что ошибка перестанет повторяться после разъяснения вопроса, сделанного в «Энциклопедии "Слова о полку Игореве"» [31].

По определению летописца, возвращение Владимира и свадьба по христианскому обряду, устроенная ему отцом, произошли

«тогда же», когда свадьба другого Игоревича — Святослава Всеволодича Киевского. О последней же сказано, что «отда Рюрикъ дчерь свою» за Святослава в Новгород-Северский «тоѣ же недѣлѣ», когда в Белгороде имела место свадьба сына Рюрика Ростислава с дочерью Всеволода Большое Гнездо Верхуславой. Верхуслава прибыла в Белгород «на Офросѣньинъ день», а венчание состоялось «заутра Богослова»[32]. «Неделя» (воскресенье) в 1188 г. приходилось на день св. Ефросиньи — 25 сентября. Следовательно, в этот день Рюрик отправил свою дочь к жениху в Новгород-Северский (именно так следует понимать слово «отда» — выше сказано, что Всеволод Большое Гнездо «отда» Верхуславу «на Боришь день»[33], то есть 24 июля — имелась в виду дата ее отъезда из Владимира-на-Клязьме). Учитывая, что кортеж с Верхуславой добирался из Суздальской земли до Белгорода 2 месяца, надо полагать, что примерно втрое более короткий и лучше освоенный путь из Белгорода в Новгород-Северский был преодолен не более чем за две недели. Обе свадьбы своих сыновей Игорь скорее всего устраивал одновременно, и, таким образом, венчание Владимира следует отнести к концу первой декады октября. Поскольку оно состоялось, судя по тексту летописного известия, сразу по его возвращении, последнее имело место в сентябре или первых числах октября 1188 г.

Итак, нижней хронологической границей создания «Слова» в дошедшем до нас виде является осень 1188 г.[34] Но ряд авторов видел в тексте поэмы намеки на события, происшедшие позднее: смерть Святослава Всеволодовича (1194 г.), походы Романа Мстиславича Волынского на ятвягов (1196 г.) и половцев (1197—98 гг.), смерть Ярослава Всеволодича Черниговского (1198 г.)[35]. При этом одни исследователи на основе таких допущений стали отодвигать создание «Слова» в 90-е годы XII в. (Н. С. Демкова — 1194—96 гг.[36], Б. И. Яценко — 1198—99 гг.[37]), другие же склонились к мысли о разновременности текста поэмы, наличии в нем позднейших вставок[38].

15 лет назад в статье о датировке «Слова»[39] автор этих строк обосновал мнение, что в тексте поэмы нет оснований видеть намеки на какие-либо события, происшедшие позже 1188 г., а как вероятные вставки в первоначальный текст можно расценить только диалог Кончака и Гзака и заключительную славу князь-

ям — участникам похода (не нарушающие художественную цельность текста). Соответственно, создание «Слова» датировалось осенью 1188 г. или 1185 г. с допущением, что в 1188 г., после возвращения из плена Владимира Игоревича, в него были добавлены указанные два фрагмента[40]. Уже после сдачи этой работы в печать появилась статья Д. Вёрна, обосновывавшего датировку создания «Слова» 1199–1200 гг. В 1993 г. с дополнительными аргументами в пользу появления поэмы в 1198 г. выступил Б. И. Яценко. Датирующие признаки, позволяющие названным авторам отрицать возможность создания «Слова» в первые годы после описанных в нем событий и относить его к самым последним годам XII столетия, следующие.

1) Именование Всеволода Большое Гнездо «великим князем» и постановка его в перечне князей, к которым обращается автор «Слова» с призывом выступить против половцев, на первое место, ранее Рюрика и Давыда Ростиславичей, не соответствует ситуации второй половины 80-х годов и более вероятно для второй половины 90-х годов, когда Всеволод выступал как старейший среди потомков Владимира Мономаха[41].
2) Именование рязанских князей — Глебовичей «шереширами» Всеволода не могло иметь места до смерти Святослава Всеволодича Киевского (1194 г.), который сам претендовал на верховенство над ними[42].
3) В обращении автора к Всеволоду — «ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти» подразумевается поход Всеволода против половцев на Дон 1198 г.[43]
4) Призыв к Всеволоду «отня злата стола поблюсти» был возможен опять-таки только после смерти Святослава, когда у суздальского князя появились права на киевское княжение[44].
5) Характеристика волынского князя Романа Мстиславича как выдающегося воителя указывает на вторую половину 90-х годов, когда он совершил первые походы на ятвягов и половцев, упомянутых в перечне побежденных им народов[45].
6) При жизни Ярослава Всеволодича Черниговского (ум. 1198 г.) автор не мог славить Игоря и осуждать Ярослава — его сюзерена[46].

7) «Уравнивание» Игоря с киевским князем в словах «отъ стараго Владимера до нынешняго Игоря» «могло возникнуть после 1198 г., когда Игорь стал великим черниговским князем, старейшим среди Ольговичей, соправителем Рюрика Ростиславича в Киеве»[47].
8) Призыв автора слова» «Ярославе и вои внуце Всеславли! Уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени» имеет в виду конфликт новгородцев, возглавляемых князем Ярославом Владимировичем, с полочанами и союзной им Литвой в 1198 г.[48]

Эти доводы не выглядят убедительными.

1) Эпитет «великий» в приложении к княжескому титулу Всеволода Большое Гнездо встречается уже в летописных статьях за 80-е годы, в том числе в южнорусском летописании[49]. Перед Рюриком и Давыдом Всеволод имел старейшинство по рождению – они приходились ему двоюродными племянниками[50].
2) Фраза о «шерешрах» – Глебовичах («Ты бо можеши посуху живыми шереширы стреляти, удалыми сыны Глебовы») имеет в виду, скорее всего, не постоянную вассальную зависимость, а конкретный факт использования рязанских князей в качестве вспомогательной военной силы: поэтому мнение, что подразумевается их участие в походе Всеволода на Волжскую Булгарию 1183 г.[51], остается наиболее вероятным.
3) Упоминая Дон, автор «Слова» говорил о желаемом: если бы суздальский князь решился «прелетети издалеча, отня злата стола поблюсти», и появился на Дону, то есть на том театре, где разворачивались военные события Игорева похода («у Дону Великого»), то ситуация резко изменилась бы в пользу Руси: «Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногате, а кощеи по резане». После Похода Всеволода 1198 г. говорить так было бы как раз неуместно, т. к. это предприятие не достигло результата[52].
4) В словах «Не мыслию ти прелетети издалеча, отня злата стола поблюсти» под «отним златым столом» имеется в виду скорее не Киев (как традиционно считается), а Переяславль-Рус-

ский[53]. Отцу Всеволода, Юрию Долгорукому, доводилось княжить как и в Киеве, так и в Переяславле[54]. Обращение к Всеволоду помещено сразу же после указания на нападение половцев Кончака на Переяславль и ранах, полученных при осаде города родным племянником Всеволода — переяславским князем Владимиром Глебовичем: «Се у Римъ (г. Римова, взятого половцами. — *А. Г.*) кричатъ подъ саблями половецкыми, а Володимиръ под ранами. Туга и тоска сыну Глебову». Киеву же половцы в 1185 г. непосредственно не угрожали. Но даже если речь идет о Киеве, призыв «поблюсти» имеет в виду участие в обороне, а не подразумевает обязательно владельческие права.

5) Роман Мстиславич прославился как полководец еще в 1170 г., когда возглавлял оборону Новгорода от войск Андрея Боголюбского[55]. Столкновения с ятвягами у него, княжившего на Волыни (то есть по соседству с ятвяжскими и литовскими землями), разумеется, могли быть задолго до того, как их отметила киевская летопись. Что касается половцев, то они названы последними в списке побежденных народов — «И многи страны: хинова, литва, ятвяги, деремела и половци — сулици своя повръгоша, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи». Победителями этих народов названы два князя — Роман и Мстислав («А ты, буй Романе и Мстиславе... Суть бо у ваю»). Половцы стоят последними, поскольку у волынских князей был только один заметный конфликт с ними — Мстислав (Ярославич, двоюродный брат Романа) участвовал в походе южнорусских князей на хана Кобяка 1184 г.[56]

6) Отсутствие пиетета автора «Слова» перед сюзереном Игоря Ярославом Черниговским при его жизни может вызвать сомнение только в случае, если автор — приближенный Игоря, но вполне вероятно, если он — лицо, близкое, скажем, Святославу Всеволодичу Киевскому.

7) Киевское «соправительство» Игоря с 1198 г. — домысел Б. И. Яценко. На самом деле в ходе междоусобной войны 1195–1196 гг. черниговские Ольговичи дважды отказывались от претензий на Киев при жизни Рюрика Ростиславича: во втором случае по этому поводу был даже заключен договор[57].

При этом отказ от претензий Ольговичей на Киев только при жизни Рюрика явился уступкой со стороны Мономаховичей (первоначально Рюрик и Давыд Ростиславичи со Всеволодом Большое Гнездо требовали, чтобы Ольговичи вообще навсегда отказались от прав на киевский стол), и нет никаких оснований считать, что они могли по прекращении конфликта (не принесшего Ольговичам успеха[58]) пойти на много большую уступку, предоставив черниговскому князю статус соправителя Рюрика в Киеве.

8) В «Слове» акцент делается не на новгородско-полоцких противоречиях, а на натиске Литвы на Полоцкое княжество: в 1198 же году литовцы выступали союзниками полочан. Призыв автора «Слова» имеет широкий смысл: речь идет о наведении русскими князьями «поганых» «на землю Рускую, на жизнь Всеславлю», то есть половцев — на Южную Русь и Литвы — на Полоцкое княжество[59].

Таким образом, убедительных аргументов в пользу того, что в «Слове о полку Игореве» нашли отражения какие-либо события, имевшие место позже 1188 г., по-прежнему нет[60]. Перед нами, скорее всего, редакция 1188 г., осложненная ошибками переписки, но не содержательными вставками.

## Проблема автора

Пожалуй, самой привлекательной для изучавших «Слово о полку Игореве» являлась проблема личности его автора. Было выдвинуто около двух десятков предположений по этому поводу. Большинство из них весьма слабо аргументированы: бралась та или иная упоминаемая в источниках личность и «подгонялась» под черты, которыми, по мнению автора гипотезы, должен был обладать создатель «Слова». В последнее время получила популярность тенденция «выдвигать» в авторы «Слова» кого-либо из князей или княгинь того времени: назывались сам Игорь, его племянник рыльский князь Святослав Ольгович, мать последнего Агафья, киевский князь Святослав Всеволодович, его жена Мария Васильковна, шурин Игоря Владимир Ярославич Галицкий, жена Игоря Ярославна[61]. Между тем было убедительно показано, что некоторые черты лексики поэмы (употребление тер-

минов «князь» и «господин» в авторских обращениях к князьям) исключают княжеское происхождение ее создателя [62].

К особой группе следует отнести предположения, что «Слово» написано кем-то из известных книжников второй половины XII века, человеком, чьи произведения сохранились. В этих случаях есть возможность проверить гипотезу путем сопоставления этих дошедших до нас произведений со «Словом о полку Игореве». Первым такого рода гипотезу выдвинул Б. А. Рыбаков. После тщательного изучения летописных памятников XII в. он пришел к выводу, что «Слово» написано летописцем (в 1185 г. близким к Рюрику Ростиславичу, соправителю Святослава Киевского), отождествленным с киевским боярином Петром Бориславичем: ряд черт авторского стиля этого летописца, по мнению Рыбакова, роднит его с автором «Слова» [63]. Данная гипотеза была поддержана В. Ю. Франчук, сопоставившей ряд лингвистических характеристик «Слова» и «летописи Петра Бориславича» [64].

Позднее, в 80-е годы, в авторы были предложены еще два писателя второй половины XII в. – Даниил Заточник [65] и Кирилл Туровский [66]. В отличие от гипотезы Б. А. Рыбакова, эти догадки не были подкреплены сколь-нибудь состоятельной аргументацией. Так, статья Б. И. Зотова (предположившего авторство Кирилла) являет собой прямо-таки манифест воинствующего непрофессионализма, невесть каким образом проникший на страницы солидного журнала «Вопросы истории».

Вначале в результате сопоставления древнерусского текста «Слова о полку Игореве» с поэтическим переводом «Илиады» Гомера на современный русский язык Зотов приходит к выводу, что для автора «Слова» «художественно-образная система эллинской культуры была... эстетической нормой». Затем кратко характеризует мировоззрение и политические взгляды создателя поэмы: при этом пишет о трех княжеских группировках – Ольговичах, Мономашичах и Ростиславичах, не подозревая, по-видимому, что Ростиславичи – потомки Мономаха. Далее говорит о роли церкви в древнерусской культуре (попутно «произведя» игумена Феодосия Печерского в митрополиты...) и утверждает, что перу мирянина не принадлежит «ни одного достоверного письменного памятника древнерусской литературы» (заявление более чем смелое: как, например, ввести в духовное звание Вла-

димира Мономаха, автора знаменитого «Поучения»?). Наконец, опираясь на этот вывод, предполагает, что автором «Слова» был Кирилл Туровский. Правда, в данной статье Б. И. Зотов оговорился, что «изучение жизни и творчества Кирилла Туровского как вероятного автора "Слова" необходимо продолжить», в том числе «подумать о компьютерно-математической обработке его сочинений и вообще о применении ЭВМ для анализа памятников древнерусской литературы» [67]. Но в последующей своей публикации он уже без всяких оговорок заявил, что «системно-методологический (?! — *А. Г.*) анализ текста позволил с достаточной определенностью...доказать, что автор "Слова" — Кирилл Туровский» [68].

Между тем, вопреки представлению Б. И. Зотова, математические методы при изучении древнерусской литературы, в том числе авторского стиля, давно применяются. Как уже говорилось выше, в начале 90-х годов группа исследователей под руководством Л. В. Милова (занимающегося этой работой с 70-х) поставила задачу проверить гипотезу Б. А. Рыбакова, а заодно и предположение Б. И. Зотова. Использовалась методика анализа парных встречаемостей грамматических классов слов. Были выявлены определенные черты сходства стиля автора «Слова» и летописных статей, приписываемых «Петру Бориславичу», которые, по мнению исследователей, «вполне допускают возможность», что они написаны одним автором, хотя и не доказывают это «с абсолютной уверенностью». В то же время предположение об авторстве Кирилла Туровского не подтвердилось [69].

В 90-е годы появились попытки обнаружить имя автора «Слова», покоящиеся на допущении, что оно могло быть записано в тексте поэмы тайнописью. Два недавно ушедших из жизни много и увлеченно работающих над «Словом» автора — А. А. Гогешвили и Г. В. Сумаруков — сочли, что имя создателя «Слова» зашифровано акростихом. При этом выводы их оказались различны: А. А. Гогешвили прочитал имя Онан (Анания) [70], а Г. В. Сумаруков — Мария (определив ее как Марию Васильковну, жену Святослава Киевского) [71]. Очевидно, что в условиях, когда неизвестно, как выглядели начала строк в авторском тексте «Слова», допущение применения в нем акростиха открывает широкое поле для «подгонок» текста под какую-либо догадку.

Однако сама мысль о возможности наличия в тексте зашифрованного имени автора представляется не лишенной вероятности, поскольку в «Слове» бесспорно обнаруживаются такие элементы «потаенного» текста, как аллитерации и анаграммы [72].

В четырех фрагментах «Слова» упоминается Боян – поэтический предшественник автора поэмы, которому последний себя противопоставляет. Текст, окружающий последнее из таких упоминаний, насыщен элементами аллитерации и анаграммы на определенное имя: «Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣснетворца стараго вРеМеНи Ярославля Ольгова когАНя хоти: тяжко ти головы кРОМѣ плечю, зло ти тѣлу кРОМѣ головы, РускОй зеМли безъ Игоря. Солнце свѣтится нА Небесѣ, Игорь князь въ РускОй зеМли. Девици поютъ На Дунаи, вьются голоси черезъ МОРе до Киева».

Это имя – Роман. В трех других фрагментах, где упоминается «песнетворец» XI в., также можно усмотреть зашифровку данного имени:

> Начати же ся тъй пѣсни по былинамъ сего вРеМеНи, а не по замышлению Бояню. Боянъ бо вѣщий, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ по земле, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшеть бо, речѣ, пъвыхъ вРеМеНъ усобицѣ. Тогда пущашеть 10 соколовѣ на стадо лебедѣй, который дотечаше, та преди пѣснь пояше стаРОМу Ярославу, храбРОМу Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскыми, кРАсНОМу Романови Святъславичю. Боянъ же, братие…

> О Бояне, соловию стараго вРеМеНи! Абы ты сиа плъкы ущекоталъ, скача славию по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего вРеМеНи, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы.

> Тому вѣщей Боянъ и пръвое припѣвку, СмыслеНый, Рече: ни хытру, ни гОРАзду, ни птицю гОРАзду суда Божиа не МиНути. О стоНАти РускОй зеМли, поМяНувшие пръвую годину, и пръвыхъ князей.

В этих трех случаях можно было бы допустить случайное совпадение, но концентрация элементов имени «Роман» в концовке «Слова» (Р-М-Н-АН-РОМ-РОМ-Р-О-М-АН-Р-О-М-НА-МОР) такому объяснению вряд ли поддается. В поэме назван только один персонаж по имени Роман – Роман Святославич, князь тмутаро-

канский, брат Олега «Гориславича», убитый в 1079 г. половцами (представлен в тексте как один из героев песен Бояна). В эпитете, приложенном к Роману, его имя анаграммировано («кРАсНОМу»)[73]. Но Роман Святославич упомянут лишь в зачине «Слова» и никакой роли в поэме не играет; следовательно, настойчивую зашифровку имени «Роман» во фрагментах, упоминающих Бояна, невозможно связать с этим персонажем. Соседство с отсылками к литературному предшественнику автора «Слова» тайнописного имени «Роман» делает допустимым предположение, что создателя поэмы звали именно так. В источниках упоминается только один современник событий 1185 г. некняжеского происхождения, носящий имя Роман. Назван он в двух первых фрагментах «Ипатьевской летописи»:

(под 6683 г.) Тоѣ же веснѣ князь Святославъ посла Романа Нездиловича съ Берендици на поганѣѣ половцѣ; Божиею помочью взяша вежѣ Половецькѣи, много полона и конии, месяца априля в 21, на самыи Велик день[74];

(под 6695 г.) Тое же зимы одумавъ Святославъ со сватомъ своим с Рюрикомъ, посласта Черны клобукъ на вѣжа за Днепръ, и Романа Нездиловича воеводою, и взяша вежа за Днепромъ, и возвратишася во свояси со славою и честью великою[75].

Из двух упоминаний о Романе Нездиловиче видно, что это воевода киевского князя Святослава Всеволодича, тесно связанный с Черными клобуками — жившими на р. Рось кочевниками-федератами Руси (берендеи были их частью) и совершивший в 1185 и 1188/9 гг. два успешных похода на половцев. Первый из них состоялся прямо накануне выступления Игоря — Роман Нездилович вернулся в Киев на Пасху, 21 апреля (этот факт упоминается в «Слове» в строке «звенить слава въ Кыевѣ» — имеется в виду пасхальный звон колоколов, под который возвратился из похода Роман Нездилович[76]), а Игорь отправился в поход 23 апреля. Второй имел место зимой 1188—1189 гг., после возвращения из плена Владимира Игоревича и (по нашей версии) после создания «Слова о полку Игореве».

Не вызывает сомнений, что автор «Слова» из князей-современников в наибольшей степени симпатизирует Святославу Всеволодичу. Именно образ Святослава оказывается в центре его

внимания после описания поражения Игоря; именно Святослав является радетелем за объединение князей русских для отпора половцам, то есть носителем главной идеи автора поэмы. Тот факт, что женой Святослава была Мария Васильковна, сестра упомянутых в поэме полоцких князей Изяслава, Брячислава и Всеволода Васильковичей, объясняет интерес автора к полоцким делам. Мнение, согласно которому автор «Слова» относился к числу лиц из ближайшего окружения Святослава Киевского[77], представляется наиболее вероятным. Из этого круга людей источниками донесены всего два имени — «милостник» Кочкарь[78] и воевода Роман Нездилович.

То немногое, что известно о Романе Нездиловиче, не противоречит данным, которыми характеризуется, исходя из текста «Слова», его автор.

1. Автор «Слова» обнаруживает самостоятельную политическую позицию, позволяет себе критику действий князей; следовательно, он принадлежит к высшей знати, и если не является князем (а некоторые элементы лексики поэмы, как говорилось выше, дают основание утверждать, что князем он быть не мог), то должен принадлежать к верхушке дружины, боярству, и скорее всего, относиться к числу наиболее привилегированных бояр — Роман Нездилович являлся не рядовым боярином, а воеводой (в отличие от другого известного по имени лица из окружения Святослава — Кочкаря, который был «милостником», то есть княжеским приближенным незнатного происхождения).
2. Автор явно имел опыт ведения военных действий в степи — Роман Нездилович им обладал несомненно, раз ему поручалось возглавлять походы на половцев (обычно во главе таких предприятий ставились князья).
3. Автор осуждает Ярослава Всеволодича Черниговского, уклонившегося от участия в мартовском 1185 г. сражении с Кончаком, и Давыда Ростиславича Смоленского, не пришедшего на помощь Святославу и Рюрику в мае того же года[79] — Роман Нездилович, как воевода Святослава, должен был быть свидетелем этих событий, а его активное участие в войнах с половцами давало ему моральное право осуждать такие действия.

4. Автор, несомненно, хорошо знал тюркский мир (в тексте «Слова» множество тюркизмов) – у Романа Нездиловича определенно было такое знание, поскольку то, что о нем известно, свидетельствует о связях этого боярина с Черными Клобуками.

Разумеется, настаивать на предположении об авторстве Романа Нездиловича было бы опрометчиво (и автор этих строк такой цели не ставит): поскольку неизвестны литературные труды этого лица, такое предположение не может быть подвергнуто доказательной проверке. Следует ограничиться констатацией: во-первых, в тексте «Слова о полку Игореве» можно усмотреть неоднократную зашифровку имени Роман, причем в таком контексте, который позволяет допускать, что так звали автора поэмы; во-вторых, в общественном кругу, к которому вероятнее всего отнести автора «Слова», был человек, носящий такое имя — киевский боярин, воевода Роман Нездилович.

## ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Данти А.* О «Задонщине» и о филологии: Ответ Д. С. Лихачеву // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 73.

[2] Краткий обзор дискуссий см.: *Творогов О. В.* Скептический взгляд на «Слово» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4. СПб., 1995.

[3] *Mason A.* Le Slovo d'Igor. Paris, 1940.

[4] *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве: Источники. Время написания. Автор. М., 1963. Дискуссия с А. А. Зиминым носила, по указке властей предержащих, дискриминационный по отношению к нему характер. Работа Зимина была издана тиражом в 101 экз. на ротапринте; с ней получили возможность ознакомиться только участники обсуждений в ИРЛИ АН СССР и Отделении истории АН СССР; в библиотеки она не поступила. Основные положения исследования были позже опубликованы в статьях: Две редакции «Задонщины» // Труды МГИАИ. Вып. 2. М., 1966. Т. 24; Приписка к Псковскому Апостолу 1307 года и «Слово о полку Игореве» // Рус. лит. 1966. № 2; К вопросу о тюркизмах «Слова о полку Игореве» // Учен. зап. НИИ при СМ Чувашской АССР. Вып. 31. Чебоксары, 1966; Спорные вопросы текстологии «Задонщины» // Рус. лит. 1967. № 1; Когда было написано «Слово»? // Вопр. литературы. 1967. № 3; Задонщина (Опыт реконструкции текста Пространной редакции) // Учен. зап. НИИ СМ Чувашской АССР. Чебоксары, 1967. Вып. 36; Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» // История СССР. 1968. № 6; «Слово о полку Игоре-

ве» и восточнославянский фольклор // Русский фольклор. Т. 11. Л., 1968; «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина» // Археографический ежегодник за 1967 год., М., 1969; Текстология пространной «Задонщины» // Учен. зап. НИИ при СМ Чувашской АССР. Вып. 47. Чебоксары, 1969. Из текстологии Кирилло-Белозерского списка «Задонщины» // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 3. Л., 1970.

[5] Библиографию см.: *Творогов О. В.* Скептический взгляд на «Слово».

[6] *Творогов О. В.* К вопросу о датировке Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 31. Л., 1976. С. 150–157.

[7] *Милов Л. В.* О «Слове о полку Игореве»: (Палеография и археография рукописи, чтение «русичи») // История СССР. 1983. № 5. С. 82–94, 102–106.

[8] *Козлов В. П.* Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»: новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. М., 1988.

[9] *Гаспаров Б.* Поэтика «Слова о полку Игореве». Wien, 1984. С. 301–308.

[10] См.: Заметки к «Слову о полку Игореве». Вып. 2. Белград, 1941 (статьи П. М. Бицилли, И. Н. Голенищева-Кутузова, А. В. Исаченко); *Гудзий Н. К.* Ревизия подлинности «Слова о полку Игореве» в исследовании проф. А. Мазона // Уч. Зап. МГУ. М., 1946. Вып. 110: Труды каф. русской литературы. Кн. 1. С. 154–172; *Адрианова-Перетц В. П.* «Задонщина». (Опыт реконструкции авторского текста) // ТОДРЛ. Т. 6. М.; Л., 1948. С. 201–221; *Jakobson R.* L'authenticité du Slovo // La Geste du prince Igor's éропée russe du douzième siècle. New York, 1948; «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962 (статьи В. П. Адриановой-Перетц, Н. К. Гудзия, В. Л. Виноградовой, Н. М. Дылевского).

[11] *Зимин А. А.* Две редакции «Задонщины» // Труды МГИАИ. Т. 24. Вып. 2. М., 1966.

[12] *Дмитриева Р. П.* Взаимоотношения списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966; *Творогов О. В.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // Там же.

[13] *Зимин А. А.* Спорные вопросы текстологии «Задонщины» // Рус. лит. 1967. № 1.

[14] *Дмитриева Р. П., Дмитриев Л. А., Творогов О. В.* По поводу статьи А. А. Зимина «Спорные вопросы текстологии "Задонщины"» // Там же.

[15] Лишь в 1980 г. в своем издании «Задонщины» А. А. Зимин оспорил ряд положений оппонентов о текстологии этого произведения, практически не затронув при этом вопроса о его связи со «Словом» (См.: Задонщина: Древнерусская песня-повесть о Куликовской битве. Тула, 1980. С. 102–115).

[16] В литературе последующих лет, затрагивающей дискуссию с А. А. Зиминым о подлинности «Слова», можно встретить утверждение, что текстологическая вторичность «Задонщины» была полностью доказана в сбор-

нике «"Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла» 1966 г. и статье Р. П. Дмитриевой, Л. А. Дмитриева и О. В. Творогова 1967 г. (*Лихачев Д. С.* Великое наследие. М., 1975. С. 348–350; *Дмитриев Л. А.* Реминисценция «Слова о полку Игореве» в памятнике новгородской литературы // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 50; *Дмитриева Р. П.* Задонщина // Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вторая половина XIV–XVI в. Л., 1989. Ч. 1. С. 350; *Дмитриева Р. П.* Задонщина // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 2. СПб., 1995. С. 207–208; *Творогов О. В.* Зимин Александр Александрович // Там же. С. 223). Но в указанном сборнике нет ни одной ссылки на работы А. А. Зимина. Это и не удивительно, так как, помимо фактически запрещенного ротапринтного издания 1963 г., статьи А. А. Зимина по вопросу о подлинности «Слова» начали выходить в свет только в том же 1966 г. В предисловии к сборнику было специально оговорено, что «авторы сборника, хотя большинство из них и принимало участие в обсуждении концепции А. А. Зимина, не считают себя вправе ссылаться на его исследования или печатно полемизировать с ним до выхода в свет его работы» (*Лихачев Д. С., Дмитриев Л. А.* От редакторов // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 10). Следовательно, считать, что в сборнике «"Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла» опровергнута концепция, основные положения которой были опубликованы позднее, — явная натяжка (что, разумеется, нисколько не снижает ценности помещенных там работ самих по себе). Прямая полемика с точки зрения А. А. Зимина содержалась только в статье 1967 г., но эта работа в силу своего объема не могла подробно рассмотреть весь спектр вопросов соотношения «Слова» и «Задонщины» (как и помещенная в том же номере журнала статья А. А. Зимина).

[17] *Данти А.* О «Задонщине» и текстологии: ответ Д. С. Лихачеву // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 73–74; *Азбелев С. Н.* Фольклоризм «Задонщины» и «Слово о полку Игореве» // Литература Древней Руси. М., 1981; *Гаспаров Б.* Поэтика... С. 295–296; *Mann R.* Lances sing: A Study of the Igor Tale. Columbus (Ohio), 1990. P. 126–153.

[18] См.: *Горский А. А.* Некоторые проблемы соотношения «Слова о полку Игореве» и «Задонщина» // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 19. Л., 1987; *Он же.* О методике изучения заимствованных текстов: «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // Методы изучения источников по истории русской общественной мысли периода феодализма. М., 1989; *Он же.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: источниковедческие и историко-культурные проблемы. М., 1992. С. 21–102.

[19] *Милов Л. В., Полянская И. В., Романкова Н. В.* Был ли боярин Петр Бориславич автором «Слова о полку Игореве»? // От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства / Под ред. Л. В. Милова. М., 1994. С. 105–125, 367–380. Уместно вспомнить, что А. А. Зимин в 1967 г. писал: «Методам математического языкознания принадлежит еще сказать, может

быть, решающее слово в спорах о времени создания Игоревой песни» (*Зимин А. А.* Когда было написано «Слово»? // Вопросы литературы. 1967. № 3. С. 147).

[20] В настоящее время с отрицанием подлинности «Слова о полку Игореве» готовится выступить известный своим «скептицизмом» по отношению к русским средневековым источникам американский историк Э. Кинан. Согласно «анонсу» его работы, сделанному Х. Бирнбаумом, он считает автором «Слова» чешского слависта Й. Добровского (*Бирнбаум Х., Романчук Р.* Кем был загадочный Даниил Заточник // ТОДРЛ. Т. 50. СПб., 1997. С. 583, прим. 33). Такая атрибуция невероятна уже потому, что Добровский приехал в Петербург (где знакомился, в частности, с рукописным собранием А. И. Мусина-Пушкина) в августе 1792 г., когда «Слово» уже было в Мусин-Пушкинском собрании; выписка из него, сделанная И. П. Елагиным, датируется более ранним временем: по мнению В. П. Козлова, периодом между январем 1788 и маем 1790 г., вероятнее всего не позже марта 1789 г. (*Козлов В. П.* Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». С. 147–150; сначала В. П. Козлов датировал выписку временем между апрелем 1792 и маем 1793 г. — *Он же.* «Слово о полку Игореве» в «Опыте повествовании о России» И. П. Елагина // Вопр. истории. 1984. № 8. С. 27–29, — но в результате более тщательного изучения рукописи Елагина убедился в ошибочности такой датировки), по мнению В. А. Кучкина — после лета 1789 г. до июля 1791 г. (*Кучкин В. А.* Ранние упоминания о Мусин-Пушкинском списке «Слова о полку Игореве» // Альманах библиофила. Вып. 21. М., 1986. С. 66–68).

[21] См. обзор точек зрения: *Дмитриев Л. А.* Время создания «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. СПб., 1995.

[22] Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 30 (далее цитаты из «Слова» приводятся по этому изданию, текст на с. 9–31).

[23] ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 659. Соответственно, ряд исследователей 1187 г. датировал и создание «Слова», так как предполагалось, что оно имело место после возвращения Владимира, но до смерти Ярослава Осмомысла (1 октября 1187 г.) (См.: *Хрущев И. П.* О древнерусских исторических повестях и сказаниях. Киев, 1878. С. 212; *Жданов И. Н.* Собр. соч. Т. I. СПб., 1904. С. 421, 442; *Лихачев Д. С.* Слово о полку Игореве: Историко-литературный очерк. М.; Л., 1955. С. 143–144).

[24] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 75–76, 83–84, 196, 198, 203–204.

[25] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 284.

[26] Там же. С. 90, прим. 7.

[27] *Демкова Н. С.* К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве» // Вестник Ленингр. ун-та. 1973. № 14. Сер. История, язык и литература. Вып. 3. С. 73.

[28] *Лихачев Д. С.* Слово о полку Игореве: Историко-литературный очерк. М., 1976. С. 49; Слово о полку Игореве: Древнерусский текст и переводы. М., 1981. С. 283 (В. И. Стеллецкий); Слово о полку Игореве / Изд. подгот. Н. А. Мещерский, А. А. Бурыкин. 3-е изд. Л., 1985. (Б-ка поэта. Большая сер.). С. 480—481.

[29] *Wörn D.* Zur Datierung und Verfasserschaft des Igorlieds // Russia mediaevalis. T. V, I. München, 1984. S. 144—145; *Дмитриев Л. А.* Автор «Слова о полку Игореве» // Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Т. 40. Л., 1985. С. 34 (повторено в: Словарь книжников и книжности Древней Руси: XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 18); *Горский А. А.* К вопросу о времени создания «Слова о полку Игореве» // Рус. лит. 1985. № 4. С. 22—23.

[30] *Пинчук С.* Коли осипаеться листя з древ? // Вітчизна. Київ, 1987. № 2. С. 202—203; *Робинсон А. Н.* «Слово о полку Игореве» среди поэтических шедевров средневековья // «Слово о полку Игореве»: Комплексные исследования. М., 1988. С. 14; *Карпунин Г.* По мысленному древу. Новосибирск, 1989. С. 336.

[31] Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. I. С. 206, 246.

[32] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 658—659.

[33] Там же.

[34] Впрочем, продолжает бытовать и точка зрения о написании «Слова» в 1185 году (см.: Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. I. С. 246–248), хотя убедительно объяснить, как приезд Владимира (и тем более отпуск Кончаком дочери на Русь) мог быть предугадан за три года до того, как он совершился, невозможно: ведь за это время могло произойти что угодно — например, чья-то смерть или новое обострение отношений с Кончаком (которое, кстати, было — в 1187 г. он совершил набег на Русь, см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 653) с последующим расторжением помолвки.

[35] См.: Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. I. С. 248—249.

[36] *Демкова Н. С.* К вопросу...

[37] *Яценко Б. И.* Солнечное затмение в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 31. Л., 1976. С. 121–122.

[38] *Робинсон А. Н.* О закономерностях развития восточнославянского и западноевропейского эпосов в раннефеодальный период // Славянские литературы: VII Международный съезд славистов. М., 1973. С. 197; *Birnbaum H.* Toward an unprejudiced assessment of Igor's Tale // The language and verse in Russia (Язык и стих в России). М., 1995. (UCLA Slavic studies. New Series. Vol. I—II); *Котляр Н. Ф.* Мстислав Мстислаич Удатный (Удалой) // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 3. СПб., 1995.

[39] Поспешеством покойного ныне Л. А. Дмитриева была опубликована сразу в двух изданиях Пушкинского Дома — журнале «Русская литература», 1985, № 4 (под названием «К вопросу о времени создания "Слова о полку Игореве"») и сборнике «Исследования "Слова о полку Игореве"»

1986 г. («Проблема даты создания "Слова о полку Игореве"» — первоначальное авторское название).

[40] Мысль о двух «изданиях» (Auflage) «Слова» — 1185 и 1188 гг. — высказывал Л. Мюллер: *Müller L.* Das Lied von der Heerfahrt Igors. München, 1989. S. 12–14, 112–113, 118; См.: *Мюллер Л.* Заметки к «Слову о полку Игореве» // *Мюллер Л.* Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000. С. 204, 212.

[41] *Wörn D.* Zur Datierung... S. 148–153.

[42] Ibid. S. 154.

[43] Ibid. S. 155–156. *Яценко Б. И.* Об авторе «Слова о полку Игореве» (Проблема поиска) // ТОДРЛ. Т. 48. СПб., 1993. С. 36.

[44] *Wörn D.* Zur Datierung... S. 157.

[45] Ibid. S. 158–160; *Яценко Б. И.* Об авторе... С. 36.

[46] *Яценко Б. И.* Об авторе... С. 36.

[47] Там же.

[48] Там же.

[49] См.: *Poppe A.* Words that serve the authority: On the Title of «Grand Prince» in Kievan Rus' // Acta Poloniae Historica. T. 60. Warszawa, 1989. S. 174–175.

[50] Д. Вёрн признает, что Всеволод стал именоваться с великокняжеским титулом и считаться старейшим среди Мономаховичей «около 1188 г.» (*Wörn D.* Zur Datierung... S. 149–151).

[51] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 92.

[52] ПСРЛ. Т. I. Стб. 414–415.

[53] Такое предположение высказывал В. А. Чивилихин (*Чивилихин В.* Память // Наш современник. 1984. № 4. С. 94).

[54] См.: *Кучкин В. А.* Юрий Долгорукий // Вопр. истории. 1996. № 10. С. 38–39, 49.

[55] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 559–560; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 33.

[56] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 631.

[57] Там же. Стб. 688–689, 700.

[58] См.: Там же. Стб. 686–702.

[59] Конъектура Д. С. Лихачева (*Лихачев Д. С.* Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сб. исследований и статей. М.; Л., 1950. С. 15–17) — «Ярославли и вси внуце Всеславли» (то есть все потомки Ярослава Мудрого и Всеслава Брячиславича Полоцкого) остается наиболее вероятным прочтением, разъясняющим смысл отрывка.

[60] Н. С. Демкова, не отвечая на мои аргументы против ее гипотезы, обвинила автора этих строк, что он принял ее широкую датировку «Слова» в промежутке 1188–1196 гг., не оговорив это (*Демкова Н. С.* Царственное «Слово»: Об издании Энциклопедии «Слова о полку Игореве» // Русская

литература. 1996. № 2. С. 185–186). И я, и другие авторы, писавшие о проблеме датировки «Слова» после Н. С. Демковой, восприняли ее статью так, что в ней отстаивается мнение о написании «Слова» в 1194–1196 гг. (См.: *Яценко Б. И.* Солнечное затмение… С. 121; *Wörn D.* Zur Datierung… S. 140–143; *Дмитриев Л. А.* Автор «Слова о полку Игореве» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI–первая половина XIV в. С. 19; *Он же.* Время создания «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. I. С. 248). Допустим, что автор действительно выдвинула на равных правах две датировки – узкую и широкую, просто не сумев по каким-то причинам подчеркнуть это в опубликованном тексте. Но что совершенно точно – это то, что в моей работе нет двух датировок – широкой и узкой. Есть одна – осень 1188 г., а май 1196 г. – смерть Всеволода Святославича как верхняя грань (что об этом рубеже писала Н. С. Демкова, мною указано: *Горский А. А.* Проблема даты создания «Слова о полку Игореве». С. 32) – промежуточный, рабочий момент: затем она снижается до 1193 г., потом – до 1190 г., наконец, в промежутке второй половины 1188–1190 гг. я обосновываю датировку создания «Слова» осенью 1188 г.

Против мнения Н. С. Демковой о написании «Слова» в «черниговских кругах» в 1194–1196 гг. свидетельствует отрицательное изображение в поэме черниговского князя Ярослава Всеволодовича, в тот период бывшего старейшим среди Ольговичей. Кроме того, сетование автора «Слова» на «рознь» между Рюриком и Давыдом Ростиславичами («Сего бо ныне сташа стязи Рюриковы, а друзии – Давидови; норозино ся имъ хоботы пашуть, копиа поють») под пером сторонника Ольговичей в середине 90-х гг. маловероятно, так как тогда эти князья действовали заодно и вели с Ольговичами междоусобную войну.

[61] См. обзор точек зрения на авторство «Слова»: *Дмитриев Л. А.* Автор «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. I; см. также: *Абрамов М. А.* К проблеме авторства «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и мировоззрение его эпохи. Киев, 1990.

[62] См.: *Франчук В. Ю.* К вопросу об авторе // Вопросы литературы. 1985. № 9; *Она же.* Киевская летопись. Киев. 1986. С. 88–108; *Дмитриев Л. А.* Мог ли Владимир Ярославич Галицкий быть автором «Слова о полку Игореве» // Рус. лит. 1991. № 1.

[63] *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; *Он же.* Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991.

[64] *Франчук В. Ю.* Мог ли Петр Бориславич создать «Слово о полку Игореве»? (наблюдения над языком «Слова» и Ипатьевской летописи) // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. Следует все же иметь в виду, что имя «Петр Бориславич» остается условным обозначением боярина-летописца XII в.: это отождествление было сделано И. П. Хрущовым (*Хрущов И. П.* О древнерусских исторических повестях… С. 176) на основе яркости описания в

«Ипатьевской летописи» посольства Петра Бориславича к галицому князю Владимиру Володаревичу в 1152 г. Но не менее вероятно, что эта яркость — результат того, что рассказ о драматических перипетиях посольства был записан летописцем со слов Петра Бориславича сразу по его возвращении.

[65] *Калинин А.* Даниил Заточник как возможный автор «Слова о полку Игореве» // Тез. докл. и сообщ. зональной конференции «"Слово о полку Игореве" на Урале». Пермь, 1988.

[66] *Зотов Б. И.* Кто он — автор «Слова о полку Игореве» // Вопр. истории. 1989. № 1.

[67] Там же. С. 118–124.

[68] *Зотов Б. И.* Вторая тайна «Слова о полку Игореве» // Звезда. 1991. № 10. С. 143.

[69] *Милов Л. В., Полянская И. В., Романкова Н. В.* Был ли... С. 104–125.

[70] *Гогешвили А. А.* Акростих в «Слове о полку Игореве» и других памятниках русской письменности XI–XIII веков. М., 1991.

[71] *Сумаруков Г. В.* Затаенное имя: Тайнопись в «Слове о полку Игореве». М., 1997.

[72] См.: *Колесов В. В.* Аллитерация в «Слове» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. I; *Николаева Т. М.* «Слово о полку Игореве»: Поэтика и лингвистика текста // «Слово о полку Игореве» и пушкинские тексты. М., 1997. С. 116–118.

[73] Ср.: *Карпунин Г.* По мысленному древу... С. 30; *Николаева Т. М.* «Слово...». С. 116.

[74] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 637.

[75] Там же. Стб. 659 (часть статьи 6695 г., повествующая о событиях 1188/1189 гг.).

[76] См.: *Рыбаков Б. А.* Историзм «Слова о полку Игореве» // История СССР. 1985. № 5. С. 46.

[77] *Соловьев А. В.* Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Исторические записки. М., 1948. Т. 25. С. 71–93; Слово полку Игореве: Древнерусский текст и переводы. М., 1981. С. 23–24 (В. И. Стеллецкий). В общей форме предположение о принадлежности автора к окружению Святослава высказывалось П. В. Владимировым, В. В. Каллашем, А. И. Соболевским, А. И. Лященко, В. А. Келтуялой, С. А. Адриановым, А. А. Назаревским, А. И. Робинсоном. Соображения некоторых лингвистов (высказанные в результате исследования языка «Слова» в плане его диалектико-географической локализации) о вероятном черниговово-северском происхождении автора (См.: *Котков С. И.* Слово о полку Игореве: Заметки к тексту. М., 1958; *Козырев В. А.* Словарный запас «Слова о полку Игореве» и лексика современных русских говоров // ТОДРЛ. Т. 31 Л., 1976) не противоречат предположению, что во время написания «Слова» он был киевлянином. Святослав Всеволодич до 1176 г. княжил в Чернигове, до

1164 – на других столах в Чернигово-Северской земле; среди его окружения 80-х гг. несомненно были уроженцы Чернигово-Северщины.

[78] Кочкарь «предлагался» в авторы «Слова» А. В. Соловьевым (под псевдонимом С. Тарасов), см.: *Якобсон Р. О.* Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки // ТОДРЛ. Т. 14. М.; Л., 1958. С. 115; *Барон Х., Душечкина Е. В.* Вокруг «Слова о полку Игореве»: из переписки Р. О. Якобсона и А. В. Соловьева // Славяноведение. 2000. № 4. С. 55.

[79] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 634–637, 645–649.